

Национальный Союз Политологов

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ВЫПУСК 4(28), 2017

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства
образования и науки РФ по политическим наукам**, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в **Перечень научных изданий рекомендованных
ВАК Республики Узбекистан** для публикации основных научных
результатов диссертаций по политическим и философским наукам

С 1 января 2018 года
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

МОСКВА, 2017

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Председатель Редакционного Совета — ПЛАТОНОВ В.М., к.ю.н., заведующий кафедрой политических наук РУДН, Председатель Московской городской Думы (1994—2014 гг.)

Редакционный Совет

БЕХ Владимир Павлович	д.ф.н., первый проректор Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (Украина, г. Киев)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер Европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ГАЙДУК Вадим Витальевич	д.п.н., к.ю.н., профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (Россия, г. Уфа)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ (Россия, г. Москва)
КЕТЦЯН Григор Ваникович	к.п.н., заместитель Главного редактора журнала, Председатель Попечительского Совета научного журнала «Вопросы политологии» (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОСИКОВ Игорь Георгиевич	д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, Президент Национального Союза Политологов, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, заведующий кафедрой «Национальные интересы и стабильность общества» Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана (Россия, г. Москва)
СМИРНОВ Вильям Викторович	к.ю.н., заведующий сектором Института государства и права РАН (Россия, г. Москва)

Редакционная коллегия

Главный редактор — МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Кетция Г.В. (к.п.н. — зам. гл. редактора)	Давыдов В.Н. (к.п.н.)
Чернышов С.И. (к.п.н. — зам. гл. редактора)	Козлов Г.Я. (д.и.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. — ответ. редактор)	Медведева В.К. (к.п.н.)
Абрамова О.Д. (д.п.н.)	Слизовский Д.Е. (д.и.н.)

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

УЧРЕЖДЕН
Национальным Союзом
Политологов

Журнал издается при содействии
ООО «Издательство
«Наука сегодня» с участием
Института современной
политики РУДН

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.
Журнал издается
один раз в месяц

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог Ulrich's
Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор:
1,489.

Адрес редакции: 119606, г. Москва,
пр-т Вернадского, д. 84, корп. 6,
каб. 2069

Тел.: (910) 463–53–42

Интернет-ресурс: www.souzpolitolog.ru
ruwww.voprosopolitolog.ru

E-mail: voprosopolitolog@yandex.ru
souzpolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции. При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Иванышина И.Г.

Подписано в печать 24.11.2017
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 22,1.
1000 экз. (1-й завод — 500 экз.)
Заказ № ____

Отпечатано в типографии
ООО «Белый Ветер».
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28.
Телефон: (495) 651-84-56

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Слизовский Д.Е., Медведев Н.П., Ахмадиён Комбиз Сахоби, Репёва Я., Кузнецова Е.</i> Российская Федерация ищет способ обеспечить развитие экспортного потенциала своей системы образования	7
<i>Нестерчук О.А.</i> «Новая политическая культура» как инструмент стабилизации/деформации общества.....	26
<i>Глебов В.А., Давыдов В.Н.</i> Законодательный механизм развития гражданского общества	37
<i>Бакушев В.В.</i> Парламентаризм развивает многообразие демократии	51
<i>Николенко А.А., Тушков А.А.</i> Анализ каузальных связей и элементов концепта «русская власть» с точки зрения метапарадигмы политического универсализма	61
<i>Альбов А.П.</i> Философия, религия, искусство как основа становления и развития цивилизации.....	68
<i>Гришаева О.Н., Гришин О.Е., Толочко А.В.</i> Президентский рейтинг в России: факторы стабильности и роста	79
<i>Амиантов А.А.</i> Современные политические партии России: цели их создания и деятельности	88
<i>Мышьякова Д.В.</i> Рекрутизация политической активности российского гражданского общества на современном этапе.....	99
<i>Строганов В.Б.</i> Конструктивный потенциал применения политической манипуляции в интернете	106

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Бирюков С.В., Барсуков А.М.</i> «Новый шелковый путь» и евразийская интеграция: роль Казахстана.....	114
<i>Палилов Д.Е.</i> Сопряжение Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути.....	126
<i>Цинь Тинтин</i> Китайско-российское газовое сотрудничество и экологическая нагрузка на окружающую среду КНР.....	134
<i>Набиев Бахтияр Эйваз оглы</i> Геополитические аспекты стратегических перспектив во взаимоотношениях Азербайджана и России	143
<i>Касымов А.А.</i> Результативность политического регулирования интеграционных процессов в Республике Таджикистан	151
<i>Мэн Сянъюнь</i> Анализ угроз безопасности «Экономическому поясу Шелкового пути» и необходимости совместного решения проблем КНР с РФ.....	160

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Экзеков М.Х.</i> Об особых правах коренных малочисленных народов....	172
<i>Дзюбан В.В., Кочергина М.В.</i> Эволюция старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси в советский и постсоветский периоды развития: проблемы сохранения этноконфессионального единства.....	182

Ефремова Е.А. Особенности этносоциальных интеграционных процессов в России	193
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ

Сулейманова Ш.С. Информационные войны: история и современные тенденции	203
Бирюков С.В., Андреев А.В. Украинский кризис российской политики. К ревизии политических технологий.....	215
Курбонова З.М. Межтаджикский конфликт и его особенности в условиях приобретения независимости.....	223
Соколов А.В., Новикова Ю.А. Группосозидающая функция городских конфликтов (на примере Ярославской области)	230
Палчаев А.Н. О некоторых трудно преодолимых факторах конфликтогенности Северного Кавказа	241
Новосельцев С.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море: позиции Индонезии и Сингапура	248
Ширгазина Э.Р. Переговорные практики в политическом процессе: стратегия и тактика	255
Тетерюк А.С. К анализу путей исследования современных вооруженных конфликтов: гибридная война и асимметричный конфликт	263

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Абрамов В.Л., Абрамова О.Д. Экономические интересы России и ЕАЭС при формировании большого евразийского партнерства.....	276
Слоботчиков О.Н., Киселев В.В. Ирландский политический радикализм: причины и возможные последствия.....	287
Ли Дань Изучение России в КНР: состояние и перспективы	301
Чан Хыу Тхан Факторы, снижающие эффективность реализации антикоррупционной политики в современном Вьетнаме	308
Павлов В.В. Совет национальной безопасности при Дональде Джоне Трампе: первые наблюдения	322
Md Sazedul Islam Rise of militancy and terrorism and the political crisis of Bangladesh/ К вопросу о политическом кризисе в Народной Республике Бангладеш.....	331

РЕЦЕНЗИИ

Шевурдяев С.Н. Рецензия на книгу Ю.А. Нисневича «Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса»..	338
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	345
-------------------	-----

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	352
---	-----

К АНАЛИЗУ ПУТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ¹

События в Крыму и на Украине привели к появлению многочисленных публикаций, применяющих термин «гибридная война» для описания новой военной стратегии России. Однако стремительное увеличение публикаций по гибридной войне, в первую очередь, зарубежных авторов приводит к теоретико-методологической путанице, связанной с использованием схожих, но не идентичных терминов: асимметричная война, стратегия не прямых действий, гибридный конфликт. Не всегда в зарубежных исследованиях присутствует разделение между крымской операцией и конфликтом на Украине, что не позволяет взвешенно исследовать данные явления по отдельности, описывая присущие каждой из ситуаций характеристики. В результате, теория асимметричной войны не получает должного развития. Предметом статьи является анализ крымской операции и событий на Украине с применением положений концепций гибридной войны и асимметричного конфликта. Отталкиваясь от методологии различения терминов гибридная война и гибридный конфликт, автор рассматривает особенности крымских и украинских событий с целью обоснования их принадлежности к разным категориям: гибридная война и асимметричный конфликт. Подобное рассмотрение указанных событий с учетом их особенностей способно внести дополнительную ясность в исследования современных конфликтов.

Ключевые слова: гибридная война, асимметричный конфликт, крымская операция, Украина, Россия, НАТО, вооруженных конфликт.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ №15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, инвент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

Действия России в Крыму в 2014 году и последующие события на востоке Украины заставили зарубежных аналитиков и экспертов заговорить о новой гибридной войне, начатой РФ против западных стран. В публикациях иностранных ученых отмечается возросшее беспокойство руководства ЕС и НАТО относительно использования Россией передовых инструментов и комбинаций военно-силовых и невоенных методов достижения стратегических задач. Внезапное осознание возможностей, которыми располагает РФ для эффективной реализации национальных интересов, побуждает экспертов пристально анализировать особенности проведенной крымской операции и вооруженного конфликта на Украине.

Предварительный анализ иностранной литературы показывает, что при изучении крымских и украинских событий зарубежные эксперты исходят из нескольких взаимосвязанных тезисов, задающих направление их анализа:

- Гибридные действия России в Крыму представляют собой новый тип ведения войны, нечто ранее неизвестное в военном деле.
- Гибридная стратегия России осуществляется с упором на информационные, дипломатические и военно-силовые факторы (включая использование новых видов войск).
- Операция в Крыму и конфликт на юго-востоке Украины рассматриваются как единое событие и с позиции действий России.
- Это событие описывается при помощи многочисленных терминов.

В статье выдвигается мнение, что, несмотря на значительное количество работ, описывающих крымские и украинские события, не все они обладают добавочным полезным знанием, обогащающим теорию асимметричного конфликта и предлагающим новые исследовательские подходы. Причиной этого могут служить ошибочные выводы, заложенные в приведенных выше тезисах, которые ограничивают анализ. Среди таких выводов можно выделить представление действий России в Крыму и на Украине как новой гибридной стратегии. Кроме того, в исследованиях, как правило, рассматривается одинаковый набор факторов, способствующих успеху операции (информационная война, использование специальных сил). Анализа иных элементов стратегии не проводится. Наконец, рассмотрение событий в Крыму и на Украине как единого целого не отображает уникальности каждого события. Операция в Крыму имеет существенные отличия от событий на востоке Украины черты, в том числе, в плане характеристик сторон конфликта, методов ведения действий, тактики, военных потенциалов и т.д. Отсутствие описания указанных черт не позволяет определить концепт, в рамках которого события рассматриваются, что порождает многочисленные интерпретации крымско-украинских событий как «гибридной войны», «асимметричного конфликта», «непрямых действий», «войны нового поколения».

В зарубежных работах распространено мнение, что своими действиями в Крыму и на Украине Россия представила миру новую стратегию ведения военных действий. Аналитик Foreign Affairs П. Померанцев пишет, что «Путин заново изобретает военное дело», поскольку, пока западные страны

продолжают следовать устаревшим геополитическим стратегиям, «Кремль представляет собой авангард геополитики»¹. Эксперт по оборонной политике Янис Берзиньш отмечает, что действия России представляют собой войну нового поколения². По мнению специалистов журнала *Jane's Defence Weekly*, «гибридная война стала новой формой конфронтации в 2014 году после российского вторжения и аннексии Крыма»³. Тем не менее, предварительный анализ позволяет сделать вывод, что действия России в Крыму являются скорее логическим развитием военной мысли, соответствующей специфике современных сложных конфликтов.

Начальник Генерального штаба ВС РФ Валерий Герасимов в широко цитируемой среди западных экспертов статье 2013 года отмечает, что «в XXI войны происходят не по привычным шаблонам»⁴. Приведя в пример цветные революции в странах Северной Африки и Ближнего Востока 2010-2011 гг., он заключает, что «эти события и есть типичная война XXI века»⁵, к формам и методам ведения которой военная наука должна адаптироваться и выработать релевантные контрмеры. Таким образом, речь идет о необходимости извлечения уроков из последних геополитических событий в странах, где изначально не силовые методы воздействия результировались в вооруженные столкновения. В еще более ранних работах российских военных экспертов также прослеживается понимание, что комплексные современные процессы, в первую очередь, глобализация, порождают нетипичные вызовы национальной безопасности, обобщенно характеризуемые термином «асимметричная война»⁶. Описывая особенности неравных военных действий, С. Чекинов и С. Богданов заключают, что меры по защите интересов России «должны сочетать в себе как прямые (симметричные) действия, так и осуществление асимметричных мероприятий, основное содержание которых может заключаться в нанесении неприемлемого ущерба в других (невоенных) сферах безопасности»⁷. И. Воробьев и В. Киселев в статье 2006 г. оказываются еще более дальновидными, подробно рассуждая об издревле известных методах непрямого уничтожения противника⁸. Проанализиро-

¹ Pomerantsev P. How Putin is Reinventing Warfare // *Foreign Policy*. – May 2014. – URL: <http://foreignpolicy.com/2014/05/05/how-putin-is-reinventing-warfare/> (accessed 12.10.2017).

² Bērziņš J. Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy. National Defence Academy of Latvia. Policy Paper. – № 2. – 2014. – P. 15. – URL: <http://www.sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (accessed 12.10.2017).

³ Hybrid warfare: An evolving threat. Jane's IHS Markit. – URL: http://www.janes.com/images/assets/614/70614/Hybrid_warfare_An_evolution_threat.pdf (accessed 12.10.2017).

⁴ Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. – Февраль 2013. Электронный ресурс. – URL: <https://vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 12.10.2017).

⁵ Там же.

⁶ Чекинов С.Г., Богданов С.А. Асимметричные действия по обеспечению военной безопасности России // *Военная мысль*. – 2010. – № 3. – С. 14.

⁷ Там же. – С. 21.

⁸ Воробьев И.Н., Киселев В.А. Стратегия не прямых действий в новом облике // *Военная мысль*. – 2006. – С. 2-10.

вав классические военные труды, в которых отмечена значимость непрямых способов разгрома противника, авторы указывают на неотъемлемую составляющую непрямых действий в военных современных операциях: «еще более отчетливо не прямые внезапные охватывающие действия стали превалировать над фронтальными столкновениями в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX-начала XXI века. Такие операции, как «Решительная сила» в Югославии, «Буря в пустыне» и «Шок и трепет» в Ираке, можно считать рубежными с точки зрения развития стратегии непрямых действий»¹.

Некоторые зарубежные авторы солидарны с мнением, что комбинирование военных и невоенных методов ведения войны не является чем-то новым для России. М. Галеотти в своей статье заключает, что, начиная с XIX в. русские были приучены к ведению войны способом, активно совмещающим неконвенциональные, нелегальные, обманчивые и провокативные элементы². По мнению С. Бископа, не прямые действия России в принципе стоит рассматривать как закономерный ответ на аналогичную деятельность, проводимую западными странами в отношении латиноамериканских, африканских и азиатских режимов в XX – XXI веках³.

Подобный анализ позволяет заключить, что рассмотрение действий России на крымском полуострове и Украине с точки зрения новой вехи в военном деле является в определенном смысле упрощением. В таком случае, описание информационных, силовых и политико-дипломатических возможностей России в крымских и украинских событиях становится важной, но не исчерпывающей задачей, поскольку подобные аспекты российского военного вмешательства уже были всесторонне проанализированы в ходе пятидневной войны в августе 2008 года⁴. События в Крыму и на Украине представляют собой вне сомнения качественно новый уровень российского стратегического и оперативно-тактического искусства, требующего анализа. Однако это скорее является закономерным следствием адаптации как российского военно-стратегического планирования, что находит свое отражение в положениях военных доктрин РФ 2010 и 2014 гг.⁵, так и военного

¹ Там же. – С. 6.

² Galeotti M. Hybrid, ambiguous and non-linear? How new is Russia's new way of war? // Small Wars and Insurgencies. – 2016. – Vol. 27. – No 2. – P. 296.

³ Biscop S. Hybrid Hysteria. Security Policy Brief. – 2015. – No. 64. – P. 2.

⁴ См. например, Cohen A., Hamilton R.E. The Russian Military and the Georgia War: Lessons and Implications. Strategic Studies Institute. – 2011. – P. 114; Nichol J. Russia-Georgia Conflict in August 2008: Context and Implications for U.S. Interest. – 2009. CRS Report for Congress. – P. 39; Colonel Donovan G.T. Russian Operational Art in the Russo-Georgian War of 2008. U.S. Army War College. – 2009. – P. 46.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. Электронный ресурс. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 12.10.2017); Военная доктрина Российской Федерации 2014 г. Электронный ресурс. – URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 12.10.2017).

комплекса (модернизация вооруженных сил, начатая с 2008 года после августовских событий)¹, к новым типам вооруженных конфликтов.

Принимая во внимание ограничения, лежащие в этом исследовательском подходе, в статье предлагается использовать другую логику анализа. При всей взаимосвязи крымско-украинских событий, их можно разложить на два самостоятельных геополитических события, каждое из которых имеет внутреннюю логику развития и, следовательно, требует к себе «особую линию стратегического поведения»².

Используя понятийную схему, предложенную Я. Чижевским для разграничения типов современных военных конфликтов³, данные события рассматриваются с позиций двух концепций: крымская операция, в силу своих особенностей, относится к типу гибридного противостояния/войны (стратегический уровень в понятийной схеме), в то время как происходящий на юго-востоке Украины вооруженный конфликт – к асимметричным вооруженным противостояниям (частный случай вооруженного конфликта на региональном уровне).

В основе отнесения крымской операции к типу гибридной войны – представление ее в качестве неотъемлемого элемента долгосрочного внешнеполитического курса, зиждущегося на основополагающей доктринальной идее о «приведении политического влияния России в соответствие с ее экономическими возможностями»⁴. Это означает, что крымская операция, несмотря на свою уникальность, с точки зрения стратегического планирования представляется еще одним проявлением защиты национальных интересов РФ на фоне глобального геополитического противостояния с западными странами. Вполне естественно, что подобное противостояние будет включать применение всего спектра реальных и конструируемых методов прямого (силового) и непрямого воздействия. Уместными примерами такого столкновения интересов в данном контексте можно назвать августовские события 2008 года и критику России со стороны западных стран за ее действия по принуждению Грузии к миру; ливийская военная операция; санкционные войны; «мюнхенская» речь Путина⁵ и включение России в список

¹ Charap S. The Ghost of Hybrid War // *Survival*. – 2015. – Vol. 57. – No. 6. – P. 53; Одним из наглядных примеров такой модернизации является создание в 2014 году Национального центра управления обороной Российской Федерации.

² Микрюков В.Ю. Военной науке нужны творцы, а не исполнители // *Независимое военное обозрение*. – 2017.

³ Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт и «гибридная война» // *Политическая наука*. – 2016. – № 2. – С. 282.

⁴ Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // *Международные процессы*. – 2007. – № 13 (5). – С. 54-69.

⁵ Стенограмма речи Владимира Путина на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 2007 года. Электронный ресурс. – URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/> (дата обращения: 15.10.2017).

главных угроз Обамой¹. Именно использование совокупности информационных, политико-экономических, силовых, психологических и дипломатических усилий на стратегическом уровне взаимодействия противников, которое наблюдалось в ходе и вокруг крымских событий, позволяет отнести ее к категории гибридной войны.

Как было отмечено выше, анализ информационных, дипломатических и военно-силовых факторов в крымской операции не раскрывает всех ее особенностей. Поэтому в статье предлагается добавить несколько факторов для дополнительного обоснования успеха операции:

1. Вовлеченность первого лица государства в планирование операции. В асимметричном конфликте центральная роль в осуществлении военной операции возлагается на военное командирование. В гибридной же войне инициатором стратегических действий зачастую является первое лицо государства. Личное вовлечение президента РФ в разработку крымской операции способствовало централизации и ускорению процесса принятия решений по ее выполнению². Тем самым преодолевалась медлительность и плохая координация действий вооруженных сил, что отмечалось экспертами в ходе пятидневной войны 2008 года³. Кроме того, вероятно это привело к возрастанию степени решимости при проведении операции, что, как показывают последние исследования, является немаловажным фактором, влияющим на ее исход⁴. Наконец, участие президента в планировании операции заложило иное целеполагание, сместив фокус с военных целей на политические. Благодаря этому, во главу угла не ставились уничтожение инфраструктуры и личного состава противника, проведение акций устрашения и террора в отношении населения, что присуще вооруженным конфликтам, но не гибридным войнам⁵.

¹ Full text of President Obama's 2014 address to the UN General Assembly. – 2014. – URL: https://www.washingtonpost.com/politics/full-text-of-president-obamas-2014-address-to-the-united-nations-general-assembly/2014/09/24/88889e46-43f4-11e4-b437-1a7368204804_story.html (accessed 15.10.2017).

² «Мы поддержали своих»: Путин раскрыл подробности операции по присоединению Крыма // Lenta.ru. – Март 2015. Электронный ресурс. – URL: https://lenta.ru/articles/2015/03/15/putin_crimea/ (дата обращения: 15.10.2017).

³ Galeotti M. Hybrid, ambiguous and non-linear? How new is Russia's new way of war? // Small Wars and Insurgencies. – 2016. – Vol. 27. – No 2. – P. 289; Pallin C.V., Westerlund F. Russia's war in Georgia: lessons and consequences // Small Wars & Insurgencies. – 2009. – Vol. 20. – P. 400-424; Оценка действий российской армии в Южной Осетии // Военное обозрение. – Декабрь 2010. Электронный ресурс. – URL: <https://topwar.ru/2760-ocenka-dejstvij-rossijskoj-armii-v-yuzhnoj-osetii.html> (дата обращения: 15.10.2017).

⁴ Kertzer J.D. Resolve in International Politics. Princeton University Press. – 2016. – P. 20.

⁵ Hoffman F. On Not-So-New-Warfare: Political Warfare vs. Hybrid Threats. WarontheRocks. – July 2014; На важность политических целей в гибридной войне также обращают внимание: Charap S. The Ghost of Hybrid War // Survival. – 2015. – Vol. 57. – No. 6. – P. 51-58.

2. Использование неформальных и негосударственных акторов. Несмотря на центральную роль сил специального назначения и военных (формальных акторов в данном контексте) в осуществлении операции, анализ других участников крымских событий позволяет сделать вывод о широком привлечении неформальных структур в качестве вспомогательных (auxiliary) инструментов достижения оперативных задач. Известно, что 27 февраля группа вооруженных людей без знаков отличия начала занимать стратегические объекты на территории Крыма¹. Поддержку на местном уровне им оказывали полиция, в том числе, отряды «Беркут», ликвидированные украинским режимом², а также добровольцы-казаки, специально прибывшие на полуостров для поддержания общественного порядка и защиты населения на время операции³. Кроме них действовали другие вооруженные силы самообороны, включая полукриминальные структуры и бандформирования. Их участие позволяло нейтрализовать радикалов, маскируя это под несвязанные с операцией «разборки» преступных группировок. Функция формирования общественной поддержки референдума населением выполнялась связанным с Кремлем политиком Аксеновым, однако не исчерпывалась ею. Он также координировал действия неформальных сил, будучи аффилированным с нелегальными формированиями. Согласно источникам, в 1990-х Аксенов был связан с криминалом, служил лейтенантом в группе «Сэйлем» и мог заручиться их поддержкой в рамках операции⁴.

3. Достижение поддержки населения несиловыми методами. Согласно источникам, полуостров был присоединен практически без жертв (не более двух погибших с украинской стороны)⁵. Это не только подтверждает профессионализм участвующих в операции сил, но и является немаловажным психологическим фактором, обеспечившим симпатии населения. Крымская операция наглядно продемонстрировала реализацию принципа завоевания «умов и сердец» населения (winningmindsandhearts), что является одной из стратегических задач в конфликтах для предупреждения последующего диверсионного противодействия со стороны повстанческих сил в случае не-

¹ Гольц А. Четвертое взятие Крыма // Pro et Contra. Май-август 2014. – С. 46. Электронный ресурс. – URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_45-56.pdf (дата обращения: 18.10.2017).

² Крымский «Беркут» перешел в подчинение властей автономии // Lenta.ru. – Март 2014. Электронный ресурс. – URL: <https://lenta.ru/news/2014/03/01/berkut/> (дата обращения: 18.10.2017).

³ Российское казачество в операции по присоединению Крыма // АПН. – 2016. Электронный ресурс. – URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=35854> (дата обращения: 20.10.2017).

⁴ «Сэйлем» и «Башмаки» // Радио свобода. – 2014. Электронный ресурс. – URL: <https://www.svoboda.org/a/26656786.html> (дата обращения: 20.10.2017).

⁵ Russian marine kills Ukraine navy in Crimea, says ministry // Reuters. – April 2014. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-military/russian-marine-kills-ukraine-navy-officer-in-crimea-says-ministry-idUSBREA360GB20140407> (accessed 20.10.2017).

согласия местных жителей¹. Известно, что действия НАТО в Афганистане и Пакистане, нередко приводящие к гибели мирного населения, содействовали усилению антиамериканских настроений, что выражалось в недоверии и отказу граждан в содействии². Вместе с тем, экспертами отмечается определенная взаимосвязь между обеспечением безопасности населения в военных операциях и успешным протеканием самой операции³. Подобное можно было наблюдать в Крыму: действия российских войск создали у населения психологическое чувство защищенности, что благоприятно сказалось на ходе операции.

В отличие от гибридных действий, события на юго-востоке Украины описываются в рамках концепции «асимметричного конфликта». Асимметричный конфликт становится сегодня модельным типом вооруженных противостояний, представляющим разновидность (частный случай) вооруженного конфликта и предполагающим непропорциональный характер отношений и асимметрию потенциалов противоборствующих сторон⁴. Несмотря на многогранность понятия, его «локализация» позволяет вычлени ряд особенностей (характеристик), благодаря которым вооруженное противостояние можно отнести к категории асимметричных:

- В асимметричном конфликте слабая сторона (негосударственный субъект, нерегулярные формирования) придерживается стратегии, отличной от стратегии сильного противника, использует нетрадиционные методы ведения войны с целью нанесения материального и психологического ущерба и достижения политической победы, навязывает более сильному противнику невыгодную модель протекания конфликта, включая «растягивание» его временных рамок;

- Сильная сторона в асимметричном противостоянии вынуждена учитывать логику действий слабой стороны, в результате чего сталкивается с рядом проблем: невозможностью соблюдения принципов и норм МГП, давлением со стороны мирового сообщества, внутриполитического сооб-

¹ WHAM: Winning Hearts and Minds in Afghanistan and Elsewhere. Joint Special Operations University. – February 2012. – P. 4. – URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/jsou/winning_hearts_and_minds_feb2012.pdf (accessed 20.10.2017).

² Pakistani Public Opinion Ever More Critical of U.S. PEW Research Center. – July 2012. – URL: <http://www.pewglobal.org/2012/06/27/pakistani-public-opinion-ever-more-critical-of-u-s/> (accessed 20.10.2017).

³ Wilder A., Fishstein P. Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Feinstein International Center. – 2012. – P. 5. – URL: <http://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf> (accessed 20.10.2017).

⁴ Gross M.L. Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in an age of asymmetric conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 321; Веселовский С.С. Войны будущего // РСМД. – 2013. Электронный ресурс. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyny-budushchego/> (дата обращения: 20.10.2017); Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 284.

щества и СМИ, невозможностью в короткие сроки решить стратегические задачи и т.д.¹.

Использование «языка» асимметрии позволяет сфокусировать анализ на рассмотрении черт неравенства между противоборствующими сторонами. Единицами анализа в асимметричных конфликтах выступают две противоборствующие стороны (сильная и слабая). В конфликте на Украине такими сторонами являются вооруженные силы Украины и негосударственные образования на юго-востоке – ДНР и ЛНР. Российское участие в конфликте нерелевантно выделять в качестве отдельной единицы, поскольку, во-первых, РФ официально не является стороной конфликта². Во-вторых, ее возможное участие является опосредованным (например, в виде гуманитарной помощи), что затрудняет его конкретизацию.

Черты асимметричности вооруженного конфликта на Донбассе:

1. Асимметрия воюющих сторон. В асимметричном конфликте государственный актор противопоставлен негосударственному субъекту³, представленному религиозно-заряженной группировкой (ИГ) или группировкой сопротивления (Движение «Талибан», ЭТА). В конфликте на Донбассе войсковая группировка Украины включала правительственные войска: подразделения министерства обороны (ВС и силы территориальной обороны), МВД (с учетом национальной гвардии), государственную пограничную службу, службу безопасности и управления государственной охраны. Противостояли им нерегулярные, добровольческие вооруженные формирования непризнанных образований, которые, согласно международному праву, являются нелегитимными. Одной из важных характеристик армии ополченцев также является привлечение наемников и солдат удачи. Из источников следует, что на стороне ДНР и ЛНР воевали наемники из Сербии, Норвегии, Германии, Испании, Белоруссии, Казахстана, Польши и даже США⁴. К категории «иностранцев» добровольцев, по сути, можно добавить и воюющих на территории Украины российских граждан (в том числе, «чеченские батальоны» и боевики ЧВК «Вагнера»).

2. Асимметрия методов ведения войны. Неравенство статусов противников порождает разность стратегий, применяемых конфликтующими сторонами. Начав АТО как контртеррористическую операцию по подавлению

¹ Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт и «гибридная война» // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 269-283.

² Путин: «Россия не является участником конфликта на Украине» // Известия. – Июнь 2014. Электронный ресурс. – URL: <https://iz.ru/news/572111> (дата обращения: 20.10.2017).

³ Степанова Е.А. Индекс безопасности. – 2011. – № 2 (97). – Том 17. – С. 167.

⁴ Цыганок А.Д. Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014-2016): Русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016. – С. 310-311.

протестного движения, впоследствии киевский режим определил его как террористическую угрозу нацбезопасности, что позволило перейти к ведению широкомасштабных военных действий¹. В качестве методов ведения войны использовалась тактика «выжженной земли»: планомерная зачистка территории и уничтожение гражданской инфраструктуры, без вступления в открытое противостояние, т.е. уничтожая противника на расстоянии². Для непризнанных республик действия ВСУ расценивались как открытая агрессия, предполагающая навязывание воли центра и геноцид несогласных³. В условиях неравенства военных потенциалов, ЛНР и ДНР приняли стратегию сопротивления с элементами диверсионно-террористической войны: нападение на отдельные отряды силовиков, мобильная оборона с возможностью быстрой перегруппировки, засадные действия с налетами на военные блокпосты и колонны.

3. Асимметрия военных потенциалов. Под военным потенциалом в статье понимается количество вооруженных сил и военной техники, участвующей в конфликте. В асимметричных конфликтах, как правило, наблюдаются серьезные диспропорции в данном показателе между сторонами. По разным оценкам, группировка Украины в период 2014-2015 гг. могла насчитывать от 60-65 тыс. до 280 тыс.⁴, 300-750 танков с учетом оставшихся после распада СССР⁵ и несколько тысяч БТР и БМП, хотя в ряде источников встречаются гораздо более скромные оценки – не более 100. Потенциал же повстанческих отрядов был неизмеримо меньше: на 2015 г. она составляла 35-40 тыс. человек, около 500 танков, примерно 700-800 БТР и БМП⁶.

¹ Украина признала Донецкую и Луганскую «народные республики» террористическими организациями // Interfax. – Май 2014. Электронный ресурс. – URL: <http://www.interfax.ru/world/376587> (дата обращения: 20.10.2017).

² Бочарников И.В. Тактика «выжженной земли на Донбассе» // Геополитический журнал. – 2014. – № 5. – С. 13-19.

³ Заявление руководства Донецкой Народной Республики. – Апрель 2014. Электронный ресурс. – URL: <https://kprf.ru/international/ussr/130353.html> (дата обращения: 20.10.2017).

⁴ Шарковский А. Война на юго-востоке Украины меняется качественно // Независимое военное обозрение. – Май 2015. Электронный ресурс. – URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-22/1_ukraina.html (дата обращения: 20.10.2017); Полтораки: численность ВСУ в 2015 году составляла до 280 тысяч человек // РИА. – Февраль 2016. Электронный ресурс. – URL: <https://ria.ru/world/20160210/1372502759.html> (дата обращения: 20.10.2017).

⁵ Откуда у Украины танки. Перспективы ВСУ // Военное обозрение. – 2015. Электронный ресурс. – URL: <https://topwar.ru/74058-otkuda-u-ukrainy-tanki-perspektivy-vsu.html> (дата обращения: 20.10.2017); Ukrainian Army losses in ATO (“anti-terrorist operation”) according to the IISS’s Military Balance. – May 2016. – URL: <http://thesaker.is/ukrainian-army-losses-in-ato-anti-terrorist-operation-according-to-the-iiiss-military-balance/> (accessed 20.10.2017).

⁶ Шарковский А. Война на юго-востоке Украины меняется качественно // Независимое военное обозрение. – Май 2015. Электронный ресурс. – URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-22/1_ukraina.html (дата обращения: 20.10.2017); Главный переговорщик от СБУ Юрий Тандит – о вариантах обмена Надежды Савченко // Новая газета. – Март 2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакушев В.В., Гайдук В.В. Украинский кризис: уроки для России и партнеров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 3-4.
2. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2007. – № 13 (5).
3. Бочарников И.В. Тактика «выжженной земли на Донбассе» // Геополитический журнал. – 2014. – № 5.
4. Веселовский С.С. Войны будущего // РСМД. – 2013. Электронный ресурс. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyny-budushchego/>.
5. Воробьев И.Н., Киселев В.А. Стратегия непрямых действий в новом облике // Военная мысль. – 2006. – № 9.
6. Гайдук В.В., Зиминая Е.В. Истоки этнополитических конфликтов на Евразийском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 2.
7. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. – Февраль 2013. Электронный ресурс. – URL: https://vpk-news.ru/articles/14632_
8. Гольц А. Четвертое взятие Крыма // Pro et Contra. – Май-август 2014. Электронный ресурс. – URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_45-56.pdf_
9. Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
10. Медведев Н.П. Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. – М., 2017.
11. Медведев Н.П., Насиновский В.Е., Скакунов Э.И. К концепции решения конфликтов в постсоветский период. – М., 1995.
12. Микрюков В.Ю. Военной науке нужны творцы, а не исполнители // Независимое военное обозрение. – Январь 2017. Электронный ресурс. – URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2017-01-13/1_932_tvorci.html_
13. Муравых А.И. Угрозы глобальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 2.
14. Степанова Е.А. Асимметричный конфликт как нематематическая категория // Индекс безопасности. – 2011. – № 2.
15. Цыганок А.Д. Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014-2016): Русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016.
16. Чекинов С.Г., Богданов С.А. Асимметричные действия по обеспечению военной безопасности России // Военная мысль. – 2010. – № 3.

17. Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт и «гибридная война» // Политическая наука. – 2016. – № 2.

18. Явчуновская Р.А. Влияние регионального развития на конфликтогенность современных международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

19. Bērziņš J. Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy. National Defence Academy of Latvia. – 2014. – № 2.

20. Biscop S. Hybrid Hysteria. Security Policy Brief. – 2015. – No. 64.

21. Charap S. The Ghost of Hybrid War // Survival. – 2015. – Vol. 57. – No. 6.

22. Galeotti M. Hybrid, ambiguous and non-linear? How new is Russia's new way of war? // Small Wars and Insurgencies. – 2016. – Vol. 27. – No 2.

23. Gross M.L. Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in age of asymmetric conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

24. Hoffman F. On Not-So-New-Warfare: Political Warfare vs. Hybrid Threats. War on the Rocks. – July 2014.

25. Hybrid warfare: An evolving threat. Jane's IHS Markit. – URL: http://www.janes.com/images/assets/614/70614/Hybrid_warfare_An_evolution_threat.pdf.

26. Kertzer J.D. Resolve in International Politics. – Princeton University Press. – 2016.

27. Pallin C.V., Westerlund F. Russia's war in Georgia: lessons and consequences // Small Wars & Insurgencies. – 2009. – Vol. 20.

28. Pomerantsev P. How Putin is Reinventing Warfare // Foreign Policy. – 2014.

29. Wilder A., Fishstein P. Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Feinstein International Center. – 2012. – URL: <http://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf>.

30. WHAM: Winning Hearts and Minds in Afghanistan and Elsewhere. Joint Special Operations University. – 2012.

A.S. TETERYUK
*post-graduate, department of political science Moscow
State University of International Relations under Ministry
of Foreign Affairs of Russia, Moscow*

TO THE ANALYSIS OF WAYS OF STUDYING MODERN ARMED CONFLICTS: HYBRID WAR AND ASYMMETRIC CONFLICT

Events in Crimea and Ukraine have led to emergence of the numerous publications applying the term “hybrid war” to the description of new military strategy of Russia. However, rapid increase in publications on hybrid war, first of all, of foreign authors, leads to the theoretical and methodological confusion caused by use of similar, but not identical terms: asymmetric war, strategy of indirect actions, hybrid conflict. Not always foreign authors distinguish between the Crimean operation and the Ukrainian conflict which doesn't allow to analyze thoroughly these phenomena separately, describing unique characteristics of each situations. As a result, the theory of asymmetric warfare doesn't gain due development. The article analyses the Crimean operation and events in Ukraine in terms of the concepts of hybrid war and asymmetric conflict. Using the methodology to distinct the terms hybrid war and hybrid conflict, the author analyzes the features of Crimean and Ukrainian events with the aim to justify their belonging to different categories: hybrid war and asymmetric conflict. Consideration of these two events, taking into account their features, can bring additional clarification in research of the modern conflicts.

Key words: *hybrid war, asymmetric conflict, Crimean operation, Ukraine, Russia, NATO, armed conflict.*